

Хотя до 7:05 было ещё далеко, я не мог найти себе места. Словно пчела, я нарезал круги по невидимой тропе, снова и снова возвращаясь в одну и ту же точку. Я прошёл по ней столько раз, что уже сбился со счёта.

Взгляд случайно упал на главный вход, в стекле которого отражалась моя фигура. Я приблизился к прозрачной двери и с недовольством уставился на своё смутное отражение. Потянул чёлку. Хм. Кажется, я подстригся слишком коротко.

Решение зайти в парикмахерскую после работы было чистой воды импульсивным решением.

«Помнишь, как тогда? У тебя была такая милая стрижка».

Одной этой фразы хватило, чтобы мои волосы безжалостно остригли.

Причина была проста: я просто хотел снова услышать эту мимолётную похвалу — что мне очень идёт эта стрижка. Может, он даже погладит меня по голове, скажет, что я молодец. Представив его ласковое прикосновение, я легонько взъерошил ладонью ещё непривычно короткие волосы.

Я сделал ещё несколько кругов, и с каждым шагом тревога нарастала. Внезапно тишину переулка прорезал короткий гудок.

— Джэ Юн!

Тонированное стекло белого автомобиля медленно поползло вниз, и в проёме показалось сияющее улыбкой лицо.

Я почувствовал, как мои губы, окаменевшие от напряжения и волнения, тут же смягчились. Широкая улыбка расцвела на лице, согревая щёки.

— Как вы можете звать меня просто по имени, учитель Ли Джин У!

Быстро опустив руку, рефлекторно взметнувшуюся вверх при виде моего сонбэ*, я направился к пассажирскому сиденью.

— Я ведь уже целый месяц работаю в «Сонджин».

— Ясно-ясно. Учитель Сон Джэ Юн, отработавший уже целый месяц, ремень пристегнули? Как вы прекрасно знаете, у нас сегодня еженедельное собрание, так что надо поторопиться.

Бросив на сонбэ игривый взгляд искоса, я потянулся к ремню безопасности. Он, в свою

очередь, привычным движением перевёл рычаг коробки передач с паркинга на драйв.

За этой непринуждённостью стояла привычка. Конечно, спроси я его об этом, сонбэ, скорее всего, удивился бы: «Разве?», словно в этом не было ровным счётом ничего особенного. Но мне и этого хватало для счастья. Мне нравилось быть для него частью этой привычки.

Ремень лёг на грудь, в которой уже становилось тесно от волнения. Щёлк. Я закрепил пряжку, и тугая лямка прижала меня к сиденью, словно призывая успокоиться.

— Всё, я готов. Поехали скорее, сонбэ.

Сонбэ был самым удивительным, что случилось в моей жизни.

— Что-то хорошее произошло? Чего ты так сияешь?

— Да нет, ничего.

Вот что я имел в виду под словом «удивительный»: одна лишь мысль о нём, один лишь взгляд на него заставлял меня улыбаться. Одно это делало меня счастливым.

И это удивительное состояние не было мимолётным — оно длилось уже шесть лет. Иными словами, я был тайно влюблён в него вот уже шесть лет.

— Глупыш. Ну что, поехали?

Его мягкая ладонь легонько взъерошила мои волосы и тут же вернулась на руль. Как жаль, что лишь на мгновение. Это сожалением кольнуло сердце.

Говорят, истинный характер человека проявляется за рулём. Сонбэ и здесь оставался собой — его стиль вождения всегда был плавным и уверенным. Рядом с ним я всегда чувствовал себя спокойно.

Но не сегодня. Сегодня я не мог расслабиться, и дело было не в машине и не в дороге.

Я то и дело украдкой поглядывал на него, сосредоточенного на пути. Трепетное ожидание того, что его ладонь снова опустится мне на волосы, сладкие мечты о том, что сейчас я услышу похвалу, — всё это будоражило кровь, не давая успокоиться.

Но мы почти доехали до школы, а я так и не дождался желаемого. Мои плечи, до этого расправленные в предвкушении, поникли.

«Надо было стричь ещё короче. Кажется, он даже не заметил». Я устало прислонился головой к холодному стеклу и встретился взглядом с унылым отражением в боковом зеркале. Хотя мне то казалось, что очень даже заметно...

И тут меня пронзила мысль: может, дело не в том, что перемена была незаметной, а в том, что я ему просто неинтересен. Даже мне самому этот ответ показался самым вероятным. Стало тоскливо. Я словно получил неопровержимое доказательство его полного безразличия.

Сожаления нахлынули с новой силой. Наверное, было странно бежать в парикмахерскую на следующий же день после случайного комплимента. Надо было выждать хотя бы пару дней, это выглядело бы естественнее. Дурак, Сон Джэ Юн. То, что вчера казалось гениальным планом, сегодня выглядело жалкой ошибкой.

Как это всегда и бывает с решениями, принятыми сгоряча, я совершенно не понимал себя вчерашнего. О чём я только думал, слепо доверившись импульсу? Ведь я всегда выбирал то, о чём потом приходилось жалеть.

И вот, как и следовало ожидать, со мной осталось лишь сожаление.

Но отрезанные волосы уже не вернёшь. Я отогнал мрачные мысли, напомнив себе, что теперь остаётся только ждать. Волнуйся не волнуйся, а ничего уже не изменишь.

Машина сонбэ, всегда парковавшаяся на одном и том же месте, затихла так же быстро, как и моё упавшее донельзя настроение. Стоило выключить двигатель, как из салона исчезли все звуки

Сначала хлопнула водительская дверь. Я медленно отстегнул ремень и тоже выбрался наружу. До этого момента я буравил взглядом землю, но случайная фраза, брошенная сонбэ, заставила меня резко вскинуть голову.

— Тебе идёт стрижка, Джэ Юн.

Я устроился на эту должность в «Сонджин» только ради него.

Сонбэ был хорош во всём: умный, уверенный в себе, неизменно добрый и приветливый. Я был уверен, что в мире не найдётся человека, которому бы он не нравился. Разница была лишь в силе этого чувства, но он был из тех, кто достоин всеобщей любви.

Солгал бы я, сказав, что многолетняя безответная любовь не причиняла боли. Особенно любовь без единого шанса на взаимность.

Но иногда мне перепадала удача, словно глоток холодной воды для пересохшего горла, и тогда всё становилось не так уж и плохо. В такие моменты я даже начинал верить, что небеса

наконец-то сжалились надо мной. Конечно, очень скоро я понимал, что это лишь самообман.

Эти спасительные глотки воды — это когда мы выходим из одной машины, идём по одному коридору, заходим в одну и ту же учительскую. И сидим за соседними столами.

В мой первый день в «Сонджин», месяц назад, мне выделили стол рядом с ним. Благодаря этому я мог быть близко к нему всегда — и в школе, и за её пределами.

— Учитель Сон, будете?

Перед самым началом первого урока сонбэ, окинув взглядом шумную учительскую, тихо прошептал мне. Он достал из ящика стола пузатую стеклянную банку и легонько встряхнул её. Я кивнул, и он вынул один квадратик тёмного шоколада и протянул мне.

Я подставил ладонь, но он отдёрнул руку. Я непонимающе склонил голову набок, и тогда он снова настойчиво поднёс шоколадку к моему лицу. По его нетерпеливо шевелящимся губам было ясно, чего он ждёт. Я смущённо покачал головой, но его намерение было твёрдым, и в итоге мне, как всегда подчиняющемуся, пришлось приоткрыть рот.

...Совсем чуть-чуть. И тогда тёмный шоколад из его пальцев наконец скользнул внутрь.

— Ну как? Вкусно, да? — прошептал он, чуть подкатившись ко мне на стуле.

Эту сладость, которой он коснулся сам, хотелось рассасывать как можно дольше. Я быстро кивнул, перекатывая шоколад на языке. Сонбэ усмехнулся и откатился на своё место.

Хотя он и отодвинулся, наши столы стояли так близко, что стоило протянуть руку, и можно было коснуться его плеча.

— Держи, это всё тебе, Джэ Юн.

Сказав, что это подарок специально для меня, сонбэ протянул мне банку, доверху набитую шоколадными квадратиками. И только тогда я заметил крошечные сердечки, которыми она была изрисована. Улыбка медленно сползла с моего лица. Сладость во рту мгновенно стала горькой.

Губы сонбэ дрогнули и приоткрылись. Кажется, я уже знал, что он сейчас скажет.

— Это мне Хи Ын подарила.

Иногда близость — это яд. Я с хрустом разжевал этот квадратик, обманувший и мой взгляд, и

мой язык. Чувства совершенно чужого мне человека, казавшиеся такими сладкими, от того что были завёрнуты в нежную доброту сонбэ.

К стенке стола был прикреплѐн листок с расписанием. Мой взгляд скользнул по строкам. Среда, третий урок... Класс 3-5. Прочитав эту надпись, я почувствовал, как плечи сами собой напряглись, пока я готовился к занятию.

— Учитель Сон, уже в полной боевой готовности?

Я собрал учебник и конспекты, открыл футляр с мелом, чтобы проверить, достаточно ли мела. Сонбэ, искоса наблюдавший за мной, перевёл взгляд на часы.

— Ребятам не понравится, если вы придёте слишком рано.

— Я просто готовлюсь заранее. На всякий случай.

— Где у вас следующий урок? Если в западном корпусе, можем пойти вместе.

— У меня в восточном, на третьем этаже.

— Мой класс?

Я кивнул. Класс 3-5 был тем самым, где сонбэ был классным руководителем.

Он говорил, что впервые ведѐт выпускников, и потому относился к своим ученикам с особым трепетом. Из-за этого каждый раз, идя на урок в 3-5, я нервничал и чувствовал двойную ответственность.

По секрету говоря, я и правда вкладывал в уроки для этого класса больше сил, чем для остальных.

— Как там ребята? Они хоть что-то усваивают? Судя по их оценкам, они почти ничего не смыслят в предмете. Я ужасно переживаю.

— Они стараются. Не волнуйтесь, сонбэ.

— Правда? Тогда почему у них такие оценки? Я и правда очень волнуюсь.

Тяжело вздохнув, сонбэ наконец повернулся к книжному шкафу в поисках своего учебника.

Примечание переводчика:

*Сонбэ — корейское обращение к старшему по учёбе или работе коллеге, аналог «старший товарищ», «наставник».

Переводчик и редактор — Rudiment

<http://bllate.org/book/14794/1318940>